

Сокровенный человек Иван Селиванов

Сто лет назад, 7 января 1907 года, на русском Севере в деревеньке Васильевской родился выдающийся самодеятельный художник, ярчайший, как определяли критики, представитель русской наивной живописи Иван Егорович Селиванов. В 1941 году, после долгих странствий по стране Иван Егорович вместе с женой Варварой Илларионовной оказался в Кузбассе. Работал на железной дороге в Мундыбаше, после чего осел в Прокопьевске, где и прожил почти сорок лет. Умер Иван Егорович Селиванов 1 марта 1988 года.

А 2 марта 2007 года культурная общественность Новокузнецка соберется в городской библиотеке имени Гоголя, чтобы почтить память великого труженика, художника и человека Ивана Селиванова. Здесь же будет открыта выставка рисунков, записей и памятных вещей художника, собранных и сохраненных его давней почитательницей новокузнецким искусствоведом Галиной Степановной Ивановой. Многие рисунки и предметы будут экспонироваться впервые.

В салоне "Художник" в подвале "Гоголевки" кипит работа. Галина Иванова с художником Юрием Ибадулиным и оформителем Сергеем Мамаевым готовят экспозицию будущей выставки. Галина Степановна выложила на столы эскизы и рисунки Селиванова из личного архива. Здесь же пакеты с его фотографиями и знаменитыми дневниковыми записями. Невозможно пройти мимо, не взглядевшись в них.

На пожелтелых листах - мужские лица. Наполеон, Ломоносов, Коперник, Робеспьер... На каждом рисунке порядковый номер и год исполнения. Поражают строгая схожесть с изображением-оригиналом и какая-то наивная простота в обращении. Как пересказ своими словами классического текста.

Под некоторыми рисунками подписи. Иван Егорович любил записывать мысли, связанные с изображаемыми героями. Под рисунком Наполеона записано: "О вас народы мира толковали и толкуют и сейчас. Вы были мудрым полководцем, видели впереди судьбу, она подняла вас высоко и в бездну бросила тебя, талант твой вечен бесконечен, будет жить всегда в народе".

Галина Степановна на ходу рассказывает связанную с Наполеоном историю. В 1980-х годах новокузнецкий скульптор Михаил Белякин взялся лепить Селиванова в полный рост. И задумался: а в какой рост? Дело в том, что в обычной жизни рост Селиванова был 154 сантиметра, но когда он расправлял грудь, рост увеличивался до 155 сантиметров.

Вот Белякин и спросил Селиванова, как его лепить: как Наполеона - в 154 сантиметра или как статного Селиванова - в 155? "Леги как Наполеона", - ответил художник. Зная характер Селиванова, вполне можно предположить, что он считал французского императора ровней себе. От того, видимо, и перебивка в местоимениях в подписи под рисунком: от "вы" до "ты".

Впрочем, Селиванов своей самооценкой, похоже, не кичился. Он и к петуху обращался с той же величественной простотой: "Здравствуй, Петя! Я к тебе. Принес гостинца. Смотрю давно я на тебя. Стар ты стал, красу младую потерял. Пока живи, не умирай, красавец мой, тебя храню, как особую реликвию красоты твоей"...

Рисунок петуха с проникновенными строками под ним появился после того, как кто-то украл у Селиванова из стайки кур. Петух сохранился, спрятавшись в хлам, и стал с тех пор не только моделью, но и другом художника. Как кошка Алексеевна, с которой Селиванов вел долгие разговоры зимними вечерами, а потом записывал их в сшитые суровыми нитками тетради.

"Мы - я и ты - живем в одних условиях, изба у нас одна, только названия разные, твоя половина называется стайкой, а моя кухней, но температура тепла почти одинакова, что у меня на кухне, то у тебя в стайке. Может, у тебя похолоднее, но зато посытнее. Ты, Алексеевна, там нет-нет, да полакомишься, то есть поймашешь крысу или мышь, а я что... У меня нет такой ловкости, как у тебя. Ты намного моложе меня, а я что - всю жизнь прожил, а... купить такой говядины не могу"...

Говорят, гений сам выбирает себе время и место рождения. Представить Селиванова живущим в нашу "приватизированную" эпоху невозможно: места для таких, как Селиванов, в нашем пространстве нет. Ему было хорошо как раз в прошлом веке, рядом с "сокровенными

людьми" Андрея Платонова, "чудиками" Василия Шукшина, "ваньками" Бориса Шергина. Он и рисовать-то начал не как все, а по своему, по-селивановски.

Пошел однажды в магазин (было это в начале сороковых) за табуреткой и случайно увидел живописный рисунок. Стога сена на лугу. И цену: 3 тысячи рублей. "Вот мля", - сказал бы про это герой Шукшина. Впрочем, и Селиванов задумался: три тысячи за такую маленькую картинку?! И решил нарисовать что-нибудь сам.

Все лето корпел над рисунком зайца. Не получилось. Тогда изобразил воробья и отправил рисунок в Москву, в Комитет по делам искусств. Оттуда уже его через Академию художеств переслали на курсы заочного обучения живописи.

На курсах воробышку приняли и велели рисовать еще. Селиванов не заставил себя ждать. Оказалось, что образы природы, людей, окружающих предметов жили в нем всегда. И они потоком полились на бумагу. Тут уже за головы взялись преподаватели курсов. Ученик не признавал перспективу и рисовал все так, как видел. Его пытались поправлять, а он в ответ писал: "Ваша грамота отскакивает от меня, как от стенки горох". "И тогда, - вспоминал один из учителей Селиванова, Юрий Григорьевич Аксенов, - мы поняли, что его нельзя трогать. Художество было для него не самоцелью, а способом развивать себя и откликаться на боль мира".

Природный талант, конечно, быстро вывел Селиванова из ученической поры, зато, не подверженный жесткому учительскому давлению, Селиванов сохранил в себе и страсть к учебе, и умение видеть, а главное, откликаться на мировую боль. Особенно хорошо это видно на портретах животных, которых художник изображал особо тщательно и любовно. Собака, лань, обезьяна, курица, лев, слон... Все они с грустными и выразительными, "селивановскими", глазами.

Особенно трогательным вышел кот Вася - "Рыжий кот на синем снегу". Его "портрет" возник после смерти жены Ивана Егоровича - Варвары Илларионовны, Варюши. Юрий Аксенов вспоминает, что в середине 70-х Иван Егорович вдруг замолчал: не было от него ни посылки с работами, ни писем. Забеспокоились, не случилось ли чего? И вдруг через год приходит картина: сидит на снегу селивановский кот Вася с печальными глазами, и преподавателям стало ясно: случилось несчастье.

Преподаватели курсов, обучавшие Селиванова - Юлия Ферапонтовна Лузан и Юрий Григорьевич Аксенов, конечно, догадывались о том огромном таланте, который таился в их прокопьевском ученике. Но когда в 1960 году он прислал им портрет девочки, изумились даже они. Сам Иван Егорович написал о своей работе просто: "Девочка, которая на портрете, была в вечном движении. Ребенок, лет пять-шесть, не заставишь посидеть, поговорить".

Это было озарение Селиванова, его "звездный час". Специалисты сразу назвали "девочку" "самодеятельной Джокондой", увидев в ней "этнический сказ художника о родном Севере. В золотисто-солнечном колорите этой работы внимательному взору виделся неброский северный пейзаж, оставшийся навсегда самым дорогим воспоминанием художника", - Юрий Аксенов.

После девочки к Селиванову пришло настоящее признание. От него начали ждать новых шедевров. И он ответил. После "Девочки" в Москву пришли "Автопортрет в железнодорожной фуражке", "Собака", "Букет", "Обезьяна", "Лошадь". Почти у всех изображений была своя предыстория, читавшаяся в глазах изображенных людей и животных.

На проходящих в Москве выставках самодеятельных художников работы Селиванова получают самые восторженные оценки. Художник

Р. Фальк, увидев его "Девочку", выразился кратко: "Берегите", имея в виду и картину, и автора, а искусствовед М. Аллатов в журнале "Творчество" писал: "И мы можем гордиться нашими самодеятельными художниками. Среди них имеются такие, которых можно поставить рядом с Нико Пиросмани и Анри Руссо, заслуженно занявшими свои места в художественных музеях".

В 1969 году известный режиссер-документалист М. Литвяков снял фильм "Люди земли Кузнецкой", одна из новелл которого была посвящена Ивану Селиванову, а в 1984 году вышел художественный фильм режиссера В. Прохорова "Серафим Полубес и другие жители Земли", в основу которого легла биография Селиванова, были показаны его работы.

Но это все было в Москве. В Кузбассе Иван Селиванов открылся широкому зрителю лишь в 1986 году, когда одна из другой прошли две персональные выставки художника: в Кемерове и Новокузнецке. Сказать, что публика была ошеломлена - значит сказать очень мало. Перед зрителями открылась наша, хорошо нам известная и в то же время какая-то совершенно новая действительность. Новая Вселенная. Зрители ходили и, потрясенные, пытали друг друга, отчего щемит сердце при виде грустной обезьяны и чем завораживает семья петуха?

Сам Иван Егорович Селиванов, маленький и неказистый, в новых кирзовых сапогах, непривычном пиджаке и фуражке, ничего не объяснял. Смотрел мудро и лукаво, словно не был причастен к тому ажиотажу, который разгорелся вокруг него, и только когда вставал рядом со своими автопортретами, становилось ясно - это все его.

Об автопортретах Ивана Селиванова нужно сказать особо. Об одном из них известный кинорежиссер Эльдар Рязанов сказал: "Пугачев", имея в виду могучую портретную статью художника. Но Селиванов, конечно, не был Пугачевым. Мы помним, у него был совсем невысокий рост и отнюдь не бунтарский характер. Вместе с тем на автопортретах Селиванов всегда изображал себя мощным, полным внутренней силы. Вот такой силы в нем было хоть отбавляй.

Евтушенко в свое время написал: "Поэт в России больше, чем поэт". Вслед за ним мы можем сказать: "И художник в России больше, чем художник". Особенно художник самодеятельный. Он не только художник, он еще и мыслитель, и преобразователь жизни. Светильник, к которому хлынули страждущие, когда он открылся всеобщим взором.

Вот истинно российский парадокс: Селиванов, который никогда в жизни не был материально благополучен, которого жизнь гнала, низводила, которого одним хотелось жалеть, а другим гнать с глаз долой - этот Селиванов вдруг стал для многих и многих людей чистейшим источником, в котором они омыли свои глаза и души, а сделав это, поиному взглянули на свет. Им думалось, что это они спасают, вытягивая из нужды, Селиванова. На самом же деле все было наоборот: это Иван Егорович своими картинами и дневниками спасал нас и наши души в те двусмысленные времена, когда застой уже окончился, а перестройка еще не наступила.

И последнее. По словам искусствоведа Галины Ивановой, существует возможность открыть в Новокузнецке музей Ивана Селиванова. Хранители его работ в заочном народном университете искусств в Москве обещают передать их часть нам при условии, что мы выделили достойное помещение. Почему бы не воспользоваться этим?

**Владимир Валиулин.
Сергей Шакуро,
Владимир Шкода (фото).**